

ших действий по борьбе с глобальным изменением климата». (В примере (18) использован прием «целостное преобразование»).

Таким образом, объединение профессиональных знаний и владение переводческими приемами позволяет существенно обогатить понятийно-терминологический аппарат предметной области исследования. Полагаем, что предложенные способы перевода лексических единиц специализированных текстов по проблеме реализации прав человека в условиях глобального изменения климата способствуют достижению адекватности и эквивалентности, что является главной целью перевода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макаревич, И. И. Дискурсивный подход в овладении иностранным языком специальности / И. И. Макаревич // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам : материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 96-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2017 г. / БГУ, ФМО. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 63–64.

2. Макаревич, И. И. Специфика обучения английскому языку для специальных целей студентов, изучающих государственное управление / И. Н. Ивашкевич, И. И. Макаревич // Актуальные вопросы филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков: сборник научных трудов. Выпуск 2. – Минск : БГУ, 2014. – С. 46–58.

3. Calzadilla, P. Human Rights and the New Sustainable Mechanism of the Paris Agreement: A New Opportunity to Promote Climate Justice / P. Calzadilla // Potchefstroom Electronic Law Journal. – 2018. – № 21. – Mode of access: <https://journals.assaf.org.za/index.php/per/article/view/3189/6450>.

4. Robinson, M. Achieving a climate justice pathway to 1.5 °C / M. Robinson, T. Shine // Nature Climate Change. – 2018. – № 8. – P. 564–569.

5. Макаревич, И. И. English for Civil Servants: Reference Book / И. И. Макаревич, Т. И. Макаревич. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2014. – 239 с.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Е.А. Казанкова

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, k.kazankowa@gmail.com

В данной работе основное внимание сосредоточено на специфике семиотического аспекта изучения коммуникации в художественном произведении. Проблема исследования заключается в том, что в имеющихся исследованиях существует общее представление к исследованию художественной коммуникации в семиотическом аспекте. Объект данной работы состоит в исследовании коммуникации художественного текста в семиотическом ключе. Цель исследования заключается в сравнении имеющихся литературоведческих подходов к изучению семиотики художественного текста, а также в установлении особенностей художественной литературы как средства коммуникации. Ценность результатов состоит в выявлении в семиотической структуре произведения двух видов общения (общение автора с читателями и общение персонажей между собой), а также в установлении зависимости второго вида общения от первого. Результаты данного исследования найдут применение в университетском преподавании теоретических дисциплин (в темах по семиотике), в практике преподавания иностранных языков, в теории и практике перевода.

Ключевые слова: вторичная моделирующая система; художественный текст; коммуникация автора с читателями; коммуникация героев; семиотика художественной литературы.

THE SEMIOTIC ASPECT OF THE STUDY OF COMMUNICATION IN LITERARY TEXT

E.A. Kazankova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This paper focuses on the specifics of the semiotic aspect of the study of communication in a literary text. The problem of the study lies in the fact that in the existing studies there is a general idea for the study of literary communication in a semiotic aspect. The object of this work is to study the communication of literary text in a semiotic key. The purpose of the study is to compare the available literary approaches to the study of the semiotics in a literary text, as well as to establish the features of fiction as a means of communication. The value of the results consists in identifying in the semiotic structure works of two types of communication (communication of the author with readers and communication of characters among themselves), as well as in establishing the dependence of the second type of communication on the first. The results of this study will find application in university teaching of theoretical disciplines (in topics on semiotics), in the practice of teaching foreign languages, in theory and practice of translation.

Keywords: secondary modeling system; literary text; author's communication with readers; hero's communication; semiotics of fiction.

В концепции тартуско-московской семиотической школы литература, наряду с другими видами искусства, является вторичной моделирующей системой [5–6]; [11]. В этой концепции язык представляет собой первичную семиотику (порождающую и моделирующую), а остальные трактуются как вторичные, так как они зависят от языка, создаются на основе языка и интерпретируются с его помощью. Одним из важнейших понятий семиотики художественной литературы является понятие моделирования [11, с. 25]. Таким образом, вторичные знаковые системы отображают (моделируют) определенные фрагменты реальности и в результате своего функционирования порождают произведения (знаковые последовательности). При этом в художественном произведении знаки одной системы (например, слова языка) могут быть означающей стороной для сложных знаков другой системы (языка художественного произведения), надстроенной над ними: «Значения и смыслы речевых (лингвистических) знаков в художественных текстах сами оказываются "именами" других – сверхречевых, металингвистических – знаков» [15, с. 7].

Язык художественной литературы надстраивается над естественным языком для передачи знаков, содержащих бóльший объем информации, с чем связана смысловая насыщенность произведения и сложность восприятия и осознания всей информации, заключенной в художественном сообщении: «Усложненная художественная структура, создаваемая из материала языка, позволяет передавать такой объем информации, который совершенно недоступен для передачи средствами элементарной собственно языковой структуры» [11, с.17]. С.Р. Вартазарян характеризует язык художественной литературы как "креолизованный язык", так как он образовался благодаря взаимодействию семиотики естественного языка и семиотики художественной литературы [2, с.150–151]. Использование естественного языка в качестве материальной базы влечет за собой следующие семиотические следствия, которыми обусловлена специфика художественной литературы как семиотической системы: 1) "материально-физическая

общедоступность"; 2) "интеллектуально-образная и синтагматическая общедоступность"; 3) "интеллектуально-информационная содержательность" литературы [12, с.373 – 374].

Опираясь на формально-языковые возможности этнического языка, который является "первоэлементом литературы" [4, с.68], материально-языковой "плотью", или "тканью" произведения, автор оказывается в ситуации содержательного выбора: того или иного этнического языка в случае двуязычия; того или иного варианта данного этнического языка из ряда альтернативных возможностей. Авторский выбор влияет на художественно-изобразительные и экспрессивные особенности литературного произведения. Языковое своеобразие речи повествователя и его героев является не только этническими, но и социально-психологическими идентификаторами, а также средством их первичной характеристики. В свою очередь, размещение маркированных языковых средств в языковой ткани произведения, их "удельный вес" оказывает влияние на более содержательные уровни организации художественного текста.

Ю.М. Лотман отмечает, что подход к художественной коммуникации с позиций семиотического противопоставления "грамматики говорящего" и "грамматики слушающего" вызывает затруднения из-за наличия в ней "множественности художественных кодов" у адресанта и адресата [11, с.35]. В. Нёсс пишет о необходимости исследовать художественную литературу как знаковую систему и подчеркивает, что такое семиотическое исследование может опираться на лингвистику текста и прагматику [21, с.30]. По мнению И.П. Ильина, наиболее оптимальный подход к изучению художественной литературы состоит в комбинации семиотического и нарративного подходов: «При таком подходе выявляется одна весьма существенная деталь, до сих пор часто ускользавшая от внимания исследователей: художественное произведение, даже в своих формальных параметрах, не исчерпывается сюжетом в строгом понимании этого слова» [8, с.128]. Ф.К. Штанцель полагает, что изучение таких явлений повествовательного дискурса, как несобственно-прямая речь, когезия, способствует кооперативному "диалогу" лингвистического и литературоведческого подходов к изучению повествовательного текста [22, с.13]. Согласно Н.Н. Михайлову, интегрированный подход к изучению художественных произведений, который включает в себя литературоведческий, семиотический и лингвистический подходы, является наиболее перспективным [13, с.31].

В художественной прозе обычно представлены два вида общения: а) общение автора с читателями и б) общение персонажей между собой. В первом случае речь выступает как средство изображения, во втором случае речь является предметом изображения [см. 9; 10]; [20, с.63—70].

Мысль о том, что художественный текст является своеобразным "диалогом" читателя с автором произведения восходит к идеям М.М. Бахтина [1], который применял к автору и читателю художественного произведения термины "говорящий" и "слушающий". В теории нарратологии эти понятия стали обязательными повествовательными инстанциями: "повествователь-нарратор" и "слушатель-наррататор" [7, с.190]. Общение автора с читателями представляет собой неравноправный диалог: «Авторский монолог словесно реализован, ответная же "реплика" читателя главным образом принадлежит сфере эмоционально-духовной» [14, с.18]. Для отображения в художественном произведении автор

черпает материал из "жизни", а информация, не включенная в отображение, т.е. способ изображения жизненных ситуаций, является аргументом в подтверждение того, что хочет сказать автор. Как правило, такая коммуникация опосредована: автор и читатель разобщены временем и пространством, и обратной связи между конкретным автором и конкретным читателем не существует. По справедливому замечанию А.Н. Васильевой, «художественное произведение выступает в целом "посредником" общения (коммуникативным "передатчиком") в сфере эстетической» [3, с.18]. Коммуникативные возможности повествования обусловлены его близостью к диалогу: «Чем явственнее в монологе установка на собеседника, тем свободнее проникают в книжную монологическую речь элементы разговорной речи» [14, с.22]. Во внутритекстовых условиях абстрактной коммуникативной ситуации реализуется коммуникация абстрактного (имплицитного) автора и абстрактного (имплицитного) читателя [см. 19, с.147–151]. Абстрактный (имплицитный) автор представляет собой «повествовательную инстанцию, не воплощенную в художественном тексте в виде персонажа-рассказчика и воссоздаваемую читателем в процессе чтения как подразумеваемый, имплицитный "образ автора"» [8, с.129]. Абстрактный (имплицитный) читатель является атрибутом абстрактного (имплицитного) автора, образом идеального реципиента, который способен понять общий смысл произведения. Обе эти повествовательные инстанции являются ответственными «за установление той абстрактной коммуникативной ситуации, в результате действия которой литературный текст декодируется, расшифровывается, т.е. прочитывается читателем и превращается в художественное произведение» [8, с.130].

В сознании автора коммуникация героев виртуально существует до повествования; и автор как бы записывает "увиденные", "почувствованные" сцены общения героев: «Повествовательный текст слагается из двух текстов: текста автора и текста персонажей. Если первый формируется в процессе повествования, то последний мыслится как существующий уже до повествовательного акта и только воспроизводимый в течение его» [18, с.195]. Коммуникация персонажей между собой представляет больше возможностей для исследования, чем общение автора с читателем. Часто персонаж, помимо функции актора (т.е. действующего), выполняет функцию нарратора, рассказывающего о событиях, например, произошедших накануне или двадцать лет назад. Коммуникация персонажей между собой предполагает разнообразные формы отображения "чужой" речи: в зависимости от количества действующих лиц (диалог, монолог, полилог); от типа художественной прозы и от формы повествования.

Особенностью художественной литературы как средства коммуникации является зависимость второго вида общения (персонажей между собой) от первого вида общения (автора с читателями) [9]; [10]; [11, с.125]. Речь персонажей представляет собой обобщенную модель из языка той области жизни, которую отображает автор. То, что автор отображает (речи персонажей) и как изображает в своем произведении, служит художественным задачам его общения с читателем: «Художественный диалог в действительности не диалог персонажей, а представленный в виде диалога монолог самого автора» [16, с.198]. Взаимоотношения речи персонажа и авторской речи может происходить по-разному. Но автор, изображая общение своих героев, всегда модифицированно отражает коммуникативную действительность: «Отражение коммуникативной реальности

всегда условно, каким бы выхваченным из самой жизни ни казались отбор реплик и построение диалога» [17, с.43].

Таким образом, уровень языковых "первоэлементов" полностью подчинен последующим, более содержательным "надвербальным" уровням организации художественного произведения: фабульно-сюжетному, жанровому. Отражение коммуникации героев подчинено тем целям, которые ставит перед собой автор в общении с читателем, однако предлагает больше возможностей для изучения коммуникации в художественном тексте, чем коммуникация автора и читателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М.М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975. – 134 с.
2. Вартазарян, С.Р. К описанию коммуникативных процессов / С.Р. Вартазарян // Семиотика и проблемы коммуникации : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. С.Р. Вартазарян. – Ер., 1981. – С. 26–63.
3. Васильева, А.Н. Художественная речь / А.Н. Васильева. – М. : Рус. яз., 1983. – 256 с.
4. Горький, М. Беседа с молодыми [1934] / М. Горький. – М., 1963. – 104 с.
5. Иванов, Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие системы [1962] / Вяч. Вс. Иванов, В.Н. Топоров. – М. : Наука, 1965. — 246 с.
6. Иванов, Вяч. Вс. Очерки по истории семиотики в СССР / Вяч. Вс. Иванов. – М. : Наука, 1976. – 303 с.
7. Ильин, И.П. Проблема речевой коммуникации в современном романе / И.П. Ильин // Проблемы эффективности речевой коммуникации / Н.А. Безменова, Л.Г. Лузина. – М., 1989. – С. 187–200.
8. Ильин, И.П. Теоретические аспекты коммуникативного изучения литературы / И.П. Ильин // Семиотика. Коммуникация. Стиль: сб. обз. / ред.: И.П. Ильин [и др.]. – М., 1983. – С. 126–162.
9. Казанкова, Е.А. Литература как средство коммуникации / Е.А. Казанкова // Журналістыка – 2007: надзеныя праблемы. Перспектывы : матэрыялы 9-й Міжнароднай навука.-практ. канф, Минск, 6–7 снежня 2007 г. / БДУ ; рэдкал.: С.В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш]. – Мінск, 2007. – С. 137–139.
10. Казанкова, Е.А. Художественная литература как семиотическая система и как средство коммуникации / Е.А. Казанкова // Восточнославянские языки в европейском языковом контексте : сб. науч. статей по материалам Международной научной конференции, Могилев, 24–25 окт. 2007 г. / МГУ им. А.А. Кулешова ; редкол.: Е.Е. Иванов. – Могилев, 2007. – С. 200–203.
11. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 384 с.
12. Мечковская, Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура : Курс лекций / Н.Б. Мечковская. – М. : Академия, 2004. – 432 с.
13. Михайлов, Н.Н. Теория художественного текста / Н.Н. Михайлов. – М. : Академия, 2006. – 224 с.
14. Мущенко, Е.Г. О коммуникативных возможностях прозаического художественного текста / Е.Г. Мущенко // Коммуникативная и поэтическая функция художественного текста : сб. ст. / под ред. Н.К. Соколова [и др.]. – Воронеж, 1982. – С. 17–24.
15. Тюпа, В.И. Художественный дискурс (Введение в теорию литературы) / В.И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – 80 с.
16. Полищук Г.Г. Разговорная речь и художественный диалог / Г.Г. Полищук, О.Б. Сиротинина // Лингвистика и поэтика : сб. статей / АН СССР. Ин-т рус.яз.; отв.ред. В.П. Григорьев. – М., 1979. – С. 188–199.
17. Уэллек, Р. Теория литературы [1949] / Р. Уэллек, О. Уоррен ; под ред. А.А. Аникста. – М. : Прогресс, 1978. – 325 с.
18. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : ЯСК, 2003. – 312 с.

19. Chatman, S. Story and Discourse. Narrative Structure in Fiction and Film / S. Chatman. – Ithaca, London : Cornell University Press, 1978. – 277 p.
20. Janik, D. Literatursemiotik als Methode. Die Kommunikationsstruktur des Erzähltextes und der Zeichenwelt literarischer Strukturen [1973] / Janik D. – Tübingen : Narr, 1985. – 157 S.
21. Nöth, W. Handbuch der Semiotik [1985] / W. Nöth. – Stuttgart, Weimar : Metzler, 2000. – 667 S.
22. Stanzel, F.K. Theorie des Erzählens [1979] / F. K. Stanzel. – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2001. – 339 S.

СЕМАНТИКА ТЕРМИНА КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ

А.И. Мартынова

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ana.martynova.am@gmail.com

Для развития межкультурной коммуникации в сфере информационных технологий необходимо четкое понимание дефиниции того или иного используемого термина. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ понимания термина «киберпреступность» в законодательствах различных стран. Гипотезой является предположение о важности наличия единообразного перевода и понимания терминов, используемых в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: киберпреступность; защита; компьютерное устройство; семантика; термин; информационные технологии; калькирование; перевод; лексика.

SEMANTICS OF THE TERM CYBERCRIME

A.M. Martynova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

According to the author, a clear understanding of the definition of a term is necessary for the development of intercultural communication in the field of information technology. The purpose of the article is a comparative analysis of the term "cybercrime" understanding in the laws of various countries. The thesis hypothesis is the assumption of the importance of having a uniform translation and understanding of the terms used in the field of information and communication technologies.

Key words: cybercrime; protection; computer device; semantics; term; information technology; calquing; translation; vocabulary.

Киберпреступность являет собой любую преступную деятельность, в техническом исполнении которой участвует компьютер, сетевое устройство или сеть. Несмотря на то, что большинство киберпреступлений совершается преступниками с целью извлечения прибыли, некоторые из киберпреступлений совершаются исключительно против самих устройств непосредственно с целью их повреждения или отключения.

Повсеместное распространение интернет-соединений позволило увеличить объем и темпы роста киберпреступности, поскольку преступнику больше не нужно физически присутствовать при совершении преступления. Скорость интернета, анонимность и отсутствие физических границ, препятствующих совершению преступления, облегчают исполнение компьютерных преступлений, таких как мошенничество, вымогательство, отмывание денег, а также преступлений, совершаемых на почве ненависти, (личное преследование и запугивание) и т.д.